

18+

ЛЮДМИЛА ВОЛЫНСКАЯ

Мама для Маши

Людмила Волынская

Мама для Маши

«Издательские решения»

Волынская Л.

Мама для Маши / Л. Волынская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986832-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** История эта произошла в то время, когда бывшие
советские республики обрели статус отдельных государств. После развода с
мужем сорокалетняя героиня вернулась в родной город и, пытаясь худо-бедно
наладить жизнь, вновь сошлась со школьными подругами. По воле случая
открылись ошибки молодости и сердечные тайны каждой из них. Теперь
им, наученным жизненным опытом, пришлось вновь решать возникшие
проблемы, тем самым направляя жизнь в новое русло.

ISBN 978-5-44-986832-9

© Волынская Л.
© Издательские решения

Содержание

МАМА ДЛЯ МАШИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мама для Маши

Людмила Волынская

© Людмила Волынская, 2020

ISBN 978-5-4498-6832-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАМА ДЛЯ МАШИ

События и персонажи вымышлены. Совпадения случайны.

1

Солнце расплавало город. Вторую неделю – ни облачка. Аня перевела утомленный взгляд на ящики с конфетами. Хоть бы не растаяли. А осы-то, осы... Лениво отмахнулась. Житья от них нет. Взглянув на небольшую очередь у автомата с газированной водой, она жадно глотнула слюну.

Ох-ох-ох... Собираться, что ли? Вряд ли уже кто-нибудь подойдет. Да и время к тому же.

Местный рынок – огражденный клочок земли, в три ряда заставленный полосатыми палатками и контейнерами – работал до четырех часов, но какой нормальный человек по такому солнцепеку пойдет сюда за конфетами? Аня вздохнула и посмотрела по сторонам. Соседи тоже начинали собираться. Подгоняя машины, загружали в них товар и полосатые шатры. Меж поредевших палаток виднелись прилавки. Внезапно взгляд ее остановился на мужчине, усевшемся неподалеку на пустой прилавок. Вернее, задержался на нем, зацепившись за его же взгляд. Сам он ее ничуть не заинтересовал, разве что неотрывный взгляд его неприятно насторожил. С чего бы вдруг незнакомого человека так сверлить глазами? Не конфеты же его так привлекли. Пожалуй, надо собираться. Но взгляд нет-нет да и косил в ту сторону, где сидел этот светло-русый бородатый субъект. Раньше вроде его не видела. Хотя, как знать? Бороды всех мужчин делают похожими. Различными делает как раз их отсутствие. Что ж, пусть смотрит, раз ему так хочется. С нее не убудет. Там и убывать-то нечему.

– Коля, – позвала она Любкиного сына, играющего неподалеку с соседом-продавцом в карты, – Коль...

Парень заглянул в палатку. Загоревший, подтянутый, с темно-русой шевелюрой вьющихся волос он, казалось, просто излучал жизненную силу.

– Мать сегодня, почему не пришла? – повернулась к нему Аня, убирая с витрины конфеты.

– Она мне не докладывает, – добродушно ответил он и спросил, – что, тетя Ань, собираемся?

Аня улыбнулась. Вон как Любка вышколила. Еще со школьных лет ребята подтрунивали над ней: «Тебе бы салаг в армии муштровать, до генерала бы дослужилась». А жизнь сложилась прозаичнее. Отведя ей скромное место уборщицы на консервном заводе, со временем подняла до должности учетчика, где она и проработала без малого двадцать лет. Зато теперь Любка поднялась по-настоящему, обзаведясь конфетным бизнесом. И вся ее нынешняя армия состояла из трех продавщиц и грузчика-шофера-снабженца-сына Коли, добродушного правильного парня, в котором она души не чаяла.

– Давай, пожалуйста, – привычно укладывая коробки, угрюмо ответила Аня. – Мы, как всегда, позже всех. Нам, как всегда, больше всех надо.

Не спеша они начали грузить ящики на тележку. За полгода ежедневной этой работы каждое движение было выверенным и логичным. Потому и работали, без слов понимая друг друга.

Аня по привычке дважды пересчитала дневную выручку, хотя сегодня денег было негусто. Опять почувствовав на себе чей-то взгляд, она оглянулась. И снова неприятно кольнуло внутри. Незнакомец уходит явно не собиравшись и, потягивая пиво, как ни в чем не бывало смотрел в их сторону.

– И куда я теперь с этими деньгами? – спросила она неизвестно кого.

– Ох и денег-то сегодня... – поднатужился Коля, ставя на тележку ящики. – Покупателей по пальцам пересчитать можно.

– Я все думаю, – складывая раскладной стол, служивший прилавком, вздохнула Аня, – чего ты здесь торчишь целыми днями? Чтобы пальцы загибать? Человек ты вроде неглупый. Мест на рынке хватает. Вот и работал бы у матери. Все же лучше, чем баклуши бить.

– Что я, лошадь? – простодушно возмутился парень. – Думаете, так легко вас троих обслужить? Сутра палатки поставь, товар развези. А кто вам по вечерам помогает, Пушкин? А кто с матерью за товаром ездит? Она бабки считает, а я ящики. И опять же, сколько мне надо? Сигарет купить да пива бутылку. А шмотки... Мне по барабану. Об этом мать думает. На еде не экономим. Вот и посчитайте, выгодно мне или нет? – пожал плечами Коля, складывая болоньевый шатер палатки.

Они действительно уходили с рынка чуть ли не последними. Ей спешить было некуда, да и Коле тоже. А лишняя копейка никогда не помешает. Уставшим взглядом она скользнула по опустевшим рядам. Как оно в природе бывает, так и у людей, пожалуй. Что покрупнее, тигры схватят, остатки шакалы доедят, а крохи птички подберут. Вот и сейчас ходили, собирали оставленные картонные ящики и, складывая их в тюки, обвязывали бечевками. Какая ни какая, а копейка. Кому на бутылку, а кому и на хлебушек. Кто-то полжизни дурака валял, а кто-то вкалывал на совесть. А очутились и те, и другие на одной мусорной куче. Несправедливо...

– Коль, – Аня повернулась к Коле, пристраивающему на тележке чехол с палаткой, – мать невесту тебе еще не нашла? Ты со своим пивом всех девчонок проглядишь. Хороших разберут, останутся такие старухи, как я. Ленивый ты, хоть и молодой. Ты, поди, и по ночам вкалывать боишься.

– Скажете тоже, – рассмеялся Коля. – Больно надо за пять минут удовольствия хомут на себя вешать.

– Тебя послушать, так только дураки и женятся, – проворчала Аня, пряча деньги в целлофановый пакет, и снова бегло взглянула на незнакомца. – Может, ты матери деньги отдашь? Что мне с ними туда-сюда носиться?

Коля смерил ироничным взглядом тощий целлофановый пакетик и пожал плечами.

– Теть Ань, – сказал он виновато, – мне в ваши дела вступать... Не надорветесь же вы, в самом деле? Завтра мать придет, сами ей отдадите.

– Что значит, ваши? – недоуменно пожала плечами Аня. – Это я вам чужая все-таки.

– Скажете тоже... Какая же вы – чужая?

– Нет, Коленька, возьми, – протянула она аккуратно сложенный пакетик. – И пересчитай обязательно. Всякое случается.

– Вы уж совсем... – Коля подкрепил свои слова красноречивым взглядом, только и того, что пальцем у виска не покрутил.

– Сам ты совсем, – добродушно передразнила она парня. – Видишь, стоит вон один, смотрит. С полчаса стоит. Я за ним наблюдала.

– Может, влюбился? – с озорной улыбкой подмигнул ей Коля.

– И я о том же, – кивнула она, – в деньги эти. Чувствую, где-нибудь по дороге он их невинности и лишит.

– Ладно, давайте, – кивнул Коля, пряча пакет в карман потертых джинсов. На незнакомца мужчину он взглянул мельком. Стоит себе человек и стоит. Что с него взять? Но и с Аней спорить не стал. Было бы из-за чего. – Все, отчалил. До завтра, тетя Ань, – махнул он ей рукой, толкая перед собой тележку к большому контейнеру в конце торгового ряда, часть которого Любка арендовала под склад.

Аня тоже махнула рукой, выдавив из себя слабую улыбку, взяла свой пакет и устало поплелась домой.

Вот и еще один день прошел. Когда-нибудь так и жизнь пройдет, день за днем, как шаг за шагом. Поскорее бы... Ничего хорошего от этой жизни она уже не ждала. Тем не менее, жить как-то надо было. С тех пор, как жизнь ее круто изменилась, она уже хлебнула всякого. А сейчас вот снова прибило ее к тихой заводи. И, похоже, не выбраться ей отсюда до смерти. Но ей уже ничего и не хотелось. Для этого просто сил не было. Надо было как-то доживать. Не то чтобы она совсем ничего вокруг не замечала. Она просто смотрела на все происходящее, как на экран телевизора, потому что все это никоим образом саму ее не затрагивало. Она работала, Любка платила, это и давало возможность сводить концы с концами. Хоть, что там говорить, пусть и платила ей Любка, как остальным своим продавцам, но место ей отвела самое лучшее, самое бойкое. Да и почему, собственно, должна ей Любка платить по-другому? Ей-то, кто платил? Кто дал? Сама так же начинала. Двадцать два года одна с сыном. Шутка ли сказать? У Ани хоть что-то было, хоть вспомнить есть о чем, а у Любки, что? Мужики-одноочки? Тоже не спешили на свою шею хомут вешать. Добро бы свой, а то ведь неизвестно чей. Ничего, сама выкарабкалась. Теперь и рады бы у нее на шею хомутом повиснуть, да только добра такого ей даром не надо. Когда-то они у нее дольше, чем на одну ночь не задерживались, а теперь она их и сама не задерживает. Вот ведь жизнь, штука какая хитрая... Любка с сыном без мужа двадцатник прокуковала, а Аня с мужем без детей почти столько же. И что? У одного разбитого корыта. И так плохо, и эдак не лучше.

2

– Анюта, – послышался сзади чей-то тихий голос. До чего же знакомый...

Аня резко оглянулась и обмерла. На нее смотрел все тот же настырный незнакомец все тем же безмятежным взглядом. Хоть сейчас этот взгляд показался ей не столь безмятежным. Да и незнакомец этот был не таким уж и незнакомым. Что-то близкое из глубины ушедших лет всплывало в памяти. Смутная боль, задевшая душу, все нарастала, пока не вырвалась наружу одним резким окликом:

– Игорь!

Аня непроизвольно прикрыла ладонью рот, но этот звук уже вырвался, вылетел на волю, обнажив всю ее растерянность и беспомощность перед слепую силою судьбы, всю ее боязнь оказаться неподготовленной к этой случайной встрече.

– Узнала? – с виноватой улыбкой спросил Игорь.

Аня кивнула в ответ. Все мысли и чувства занемели. Двадцать лет прошло со дня их последней встречи. Боль снова ковырнула внутри, тем самым сняв минутное оцепенение души и тела.

– Я тебя тоже сразу узнал, – сказал Игорь, поставив недопитую бутылку пива на тротуар. – Не думал, что тебя здесь встречу. Ты ведь не здесь жила.

– Откуда ты знаешь? – спросила Аня, пересохшим горлом глотнув слюну.

– Да я лет десять назад приезжал, – подходя к ней, ответил Игорь, – ну и к тебе зашел. Мать разве не говорила?

– Нет, – тихо ответила Аня, опустив голову.

Мало-помалу она начинала приходить в себя, ощущая в себе силу наглухо закрыть так жестоко раненую душу.

– А сейчас, что? Насовсем сюда? – глядя на нее выжидающе, спросил он.

И так ей стало неприятно от его взгляда, так обидно, что с вызовом бросила ему в глаза:

– Ты что, прокурор, мне допросы устраивать?

Он сразу стушевался, поник.

– Ньюша, не надо... – ответил он с виноватым видом. – Столько лет прошло.

Ньюша... Как больно. Только он ее так называл. Лучше бы этого никогда и не было.

Не собираясь задерживаться, Аня вздохнула и с болью спросила:

– Чего ты от меня хочешь?

– Да ничего, собственно, – Игорь неловко пожал плечами. – За столько лет впервые встретиться... Пойдем, посидим где-нибудь. Вы у матери живете?

– Кто вы, Игорь? – с грустной ухмылкой обронила она и тихо добавила: – Нету мамы. Умерла весной от инфаркта.

Слезы навернулись на глаза. Но даже сквозь влажную пелену она заметила, как он опешил, растерялся. А он ведь совсем не изменился. Как это она его сразу не узнала?

– Елена Пална... Прости, я не знал...

– Ничего, больнее уже не будет, – глухо ответила она, украдкой смахнув с ресниц непрошеную слезу.

– Я здесь всего несколько дней, и потом, ненадолго... Так, как? – с надеждой посмотрел он ей в глаза.

– Что, как? – недоуменно спросила она, не успев выпутаться из тягуче-липкой паутины воспоминаний.

– Пойдем, посидим? – не сводя с нее виноватого просительного взгляда, напомнил он.

Аня вздохнула и уже без тени упрека ответила:

– Да куда я в таком виде?

– Ну... – замылся он, неопределенно пожав плечами, – могу подождать.

– Опомнись, – одарила она его грустной улыбкой, – нам ведь давно уже не семнадцать. Стара я по свиданиям бегать.

– Я понимаю, – опустив глаза, согласился он и, пытаясь скрыть чувство неловкости, тотчас переменял тему, – у тебя дети есть?

И снова боль пронзила сердце.

– Нет, – потупив взор, покачала она головой.

– Так вдвоем с мужем и живете?

– И мужа нет, – с вызовом бросила она ему в лицо, – как видишь, и препятствий для свиданий нет, – и, чтобы расставить все точки над «i», припечатала ледяным тоном, – но и желания встречаться с тобой у меня тоже нет. Никакого.

Игорь виновато опустил голову.

– Я понимаю, – выдавил он из себя.

– Не думаю... – глядя прямо перед собой задумчивым взглядом, произнесла она, но тотчас, словно очнувшись от своих мыслей, спросила: – Да и зачем это нам? Ничего уже не изменить. У тебя своя жизнь, у меня своя...

– Я должен объяснить тебе, Нюша, – убедительно начал он с примесью горечи и раскаяния, но она холодно оборвала его слова:

– Сколько мы с тобой встречались? Полгода? А с мужем почти двадцать лет прожили, и неплохо жили... И ничего, живу, как видишь. Как думаешь, нужны мне после этого твои объяснения?

Разговор завязался незаметно, слово за слово. Обойдя здание новой школы, они пошли по аллее, вдоль которой за ровным рядом тонкоствольных берез, словно солдаты в шеренгу, торцом выстроились пять близнецов-пятиэтажек. Аня шла не спеша, ничего вокруг не замечая. Шла просто по привычке. Игорь шагал слева, понуро опустив голову. Но и этого она не замечала. Слишком уж неожиданной была эта встреча. Сколько лет она ждала ее и боялась, представляла ее себе, гнала прочь эти мысли, а потом повторялось все снова и снова. И вот сейчас, когда она меньше всего о нем думала...

Его голос вывел ее из омута воспоминаний.

– Он умер? – напряженно спросил Игорь.

– Жив-здоров, – не глядя на него, отвечала она. – Детей не было, вот и развелись. Жили мирно и развелись мирно.

Остановились у ее дома. Остановились и все. Но это не волновало ее, потому что понимала, чем оно все закончится, как понимала и неизбежность этого. Было бы глупо, начав разговор, не закончить его, упершись в стену дома. Никаких препятствий в этой стене не было.

– Зайти можно? – с плохо скрываемым чувством неловкости спросил Игорь.

– Пошли, – согласилась она с вялым безразличием, но, помедлив, все же добавила, – только я гостей сегодня не ждала.

– Я же не на угощение напрашиваюсь, – попытался пошутить он.

Не спеша они вошли в подъезд типичной провинциальной хрущевки. Такими до сих пор пестреет, если не вся территория бывшего Союза, так добрая ее половина. За столько лет все уже успело стереться из памяти. А сейчас вот снова вспомнилось: и лавочка эта у подъезда, и беседка, и площадка между третьим и четвертым этажом, и его руки, и его губы...

Привычным поворотом ключа в замке Аня открыла дверь.

– Входи, – позвала она его за собой.

Навстречу с радостным лаем выбежала из гостиной Аза – восьмилетний черный кокер-спаниель, подарок бывшего мужа. Завертелась волчком, поскуливая, повизгивая, виляя коротким обрубком хвоста.

– Это Аза, – объяснила Аня, присев на корточки и обхватив руками доверчивое создание.

Выражая неистовую радость, Аза вилась у ног, обнюхивая, убегая в гостиную и возвращаясь обратно. Успокоившись, она забралась под стол и, уложив голову на вытянутые передние лапы, стала с любопытством наблюдать за тем, что происходило в прихожей. Но и этого удовольствия она вскоре лишилась.

Зацепив пакет за крючок вешалки, Аня пошла в кухню. Открыв холодильник, окинула взглядом его содержимое: рядом с пакетом молока и кастрюлькой с супом красовалась недавно оставленная Любкой банка шпротов. В хлебнице лежало полбатона позавчерашней выпечки. Для бутербродов сойдет. Неловкая пауза...

– А здесь ничего не изменилось, – пытаюсь скрыть неловкость, Игорь обвел взглядом кухню.

Освеженный белой краской буфет в углу, рядом небольшой холодильник, плита, мойка, навесной шкафчик над ней да стол у окна – вот и все ее небогатое убранство.

Достав из шкафчика кофе, она привычно насыпала его в кофеварку.

– Менять что-то хочется до определенного возраста, – наливая в кофеварку воду, заметила она. – А когда от жизни ждать больше нечего, какой смысл менять вещи?

Заметив на себе его отстраненно-задумчивый взгляд, она почувствовала себя неловко. Сарафан не первой свежести, лоснящееся лицо, волосы, слипшиеся от пота и пыли, а ногти, ноги...

Внезапно раздался резкий звонок. Вздрогнув от неожиданности, Игорь удивленно вскинул брови. Аза со звонким лаем бросилась в прихожую.

– Это Томка, – сказала Аня, присев на табурет.

– Она по-прежнему здесь живет? – удивился Игорь. – Не открывай. Подумает, что никого нет.

– Не подумает. Когда никого нет, Аза не лает. Да и видела уже, небось, из окна, что я не одна шла. А любопытства, как и наглости, ей не занимать.

– Все такая же?

– Горбатого могила исправит, – с досадой ответила Аня.

Впрочем, звонок больше не издал ни звука.

– Да уж, – ухмыльнулся Игорь, – должна бы понимать, что третий всегда лишний. А что, такое случается? – попытался он разрядить обстановку, несмотря на ее несговорчивый вид.

– Игорь, ... – Аня устало поднялась, – то, что я тебя пригласила, вернее, согласилась, не дает тебе права на подобные намеки. Не буду я открывать. Пусть думает что хочет.

В прошлом все они: Томка, Любка и Аня были одноклассницами. Поначалу Томка с Аней дружили еще и по-соседски. У Томки отца отродясь не было, мать работала санитаркой в Доме малютки, и во время ее дежурства повзрослевшая дочь время от времени устраивала для подруг «светские рауты» с шмурдяком и сигаретами «Родопи». Захмелевшим девчонкам было заманчиво под иностранные песни дымить сигаретами, слушая Любкины байки о взрослой любви. В своей семье Ане было неуютно. Жили так, словно никому друг до друга не было дела. Работавшая бухгалтером в автоколонне мать, дома напоминала заведенную машину, по инерции говорившую привычные слова и выполнявшую однообразную работу. Отец, работавший дальнотойщиком, был человеком замкнутым и жестким. Только и того, что деньги в семье водились. А семьи как таковой не стало, когда обнаружилось, что на стороне он завел любовницу. Поначалу, не отличавшаяся красотой и женственностью, ее мать терзалась ревностью и упреками, предъявляя отцу письма, из которых Аня поняла, что на стороне он еще прижил ребенка. Возможно, закончили бы они разводом, если бы отец вдруг не стал слабеть, чахнуть, затем ходить по докторам, вследствие чего у него обнаружили последнюю стадию цирроза печени. Раскаленная докрасна домашняя обстановка после случившегося у отца первого кровотечения приобрела зловещий багровый оттенок. Мрачность матери облачилась в скорбь. После школы не хотелось возвращаться в удушающую атмосферу приближающейся смерти. Хотелось радоваться жизни. В последнем учебном году у них в классе появился Игорь, и все девчонки дружно сошли с ума. Аня по умолчанию примкнула к когорте умалишенных дур, странным образом при этом преобразившись. То ли любовь ее так окрылила, то ли время пришло, чтобы бутон превратился в розу. Все это заметили, кроме нее самой. Она замечала только его, потому и удивилась, когда из всей пытавшейся понравиться ему девичьей стаи он выбрал ее. Она стеснялась своей первой любви, боясь выставленным напоказ счастьем слезить его, поэтому в школе проявляла к нему напускное равнодушие. Он подхватил игру. Это подстегивало еще больше, а вечерами они давали волю своим чувствам. Даже когда умирал отец, сдавленная смертным смрадом, она упивалась своей любовью. Даже когда на гроб упали первые комки влажной земли, она терзалась тем, куда он внезапно пропал. Пропал на долгие двадцать лет...

Выключив кофеварку, не в силах взглянуть на него, она сказала:

– Налей себе кофе. Мне не надо. Подожди немного, я в душ, – и, боясь быть превратно понятой, тотчас добавила, – пыль, знаешь ли...

– Хорошо, – кивнул Игорь, налил кофе и пошел в гостиную.

Раздевшись, Аня подставила тело под теплую приятную струю душа. Смыв тяжелый налет усталости, она ощутила под ним призабытое предчувствие чего-то нового, зависящего именно от нее. Слишком долго она послушно плыла по течению жизни, пытаясь приноровиться к нему, с опаской огибая препятствия, изредка возникавшие на ее пути. Она и не пыталась спорить с жизнью. Слишком рано она познала силу ее течения, никому из людей неподвластную. И куда оно привело ее, это течение? В стоячее болото... Кто знает, как бы все повернулось, поступи она тогда иначе. И вдруг... Впервые с отчетливой ясностью она поняла, что именно иначе она и поступила. Да, иначе, начиная с того проклятого аборта, который и искалечил ее внешне такую благополучную жизнь. Вот когда она впервые ступила в омут и, избавившись от ребенка, направилась сразу же против течения, против того, что давала ей жизнь. Вот тогда-то она и бросила вызов жизни. И все эти годы она пыталась прибиться к отмели, к затишью, чтобы как-то удержаться на плаву. Всеми ее поступками руководило одно единственное чувство – боязнь потерять своего мужа. Любила ли она Олега? Она благодарила за него Бога, полагая, что это подарок судьбы за пережитые страдания. Это сейчас все спят с кем хотят непонятно с какого возраста. Неотъемлемый атрибут свободного общества... А в советское время?! В сем-

надцать-то лет?! Лишиться девственности до замужества считалось, мягко говоря... А аборт?! Это ни в какие рамки тогдашней морали не укладывалось. Намыливаясь, Аня поймала себя на том, что неосознанно рассматривает свое тело. Похудела, что и говорить... Жаль, моложе выглядеть от этого не стала. Да что уж теперь. Эта молодость... словно нож в сердце. Полоснул он по нему, ох, как полоснул... Жестоко. Ничего, пережилось.

Наскоро вытершись и переодевшись, она застыла в нерешительности. Пусть пережилось, пусть давно забылось, но женщиной быть она не перестала. Вернее, перестала после развода с мужем, а сейчас вот снова вспомнила. С ее-то многолетним учительским стажем там и вспоминать было нечего. Не спеша подкрасилась, старательно уложила подстриженные под каре темно-каштановые волосы и... не узнала собственного отражения в зеркале. Вот так, Игорек, хоть и плевать нам на тебя, но мы еще можем!

Выйдя из ванной, она позвала Азу и бросила ей в миску несколько горстей сухого корма. Достала из холодильника бутылку минеральной воды и, захватив два стакана, направилась в гостиную.

Сидя в кресле у открытого окна, Игорь с задумчивым видом дымил сигаретой. Подняв глаза, он прикипел к ней удивленным взглядом. Пусть удивляется, не удивляется, это уже не важно.

– Что ты хотел мне объяснить? – поставив бутылку с водой и стаканы на журнальный столик, Аня уселась в кресле, подобрав под себя ноги.

– Ты садись точно так же, ... – не отрывая от нее взгляда, с грустной улыбкой заметил он. – Хочешь? – протянул ей пачку сигарет.

– Я не курю, – отмела она его примирительный тон. – Слушаю, объясняй, – добавила она, наливая в стаканы воду. Вода заиграла маленькими пузырьками, приятно пощипывая во рту.

– Теперь получается – ты прокурор, – попытался пошутить Игорь.

– Я не прокурор и не судья, – не обращая внимания на его тон, спокойно ответила она.

– Вы с мужем давно развелись?

– Около года. Но это не имеет никакого отношения к нашему разговору. Не я к нему ушла от тебя. Это ты бросил меня, – произнесла она, глядя ему в глаза. – Вот я и помогла тебе. Ты именно это собирался мне объяснять? Если для тебя это так важно, говори. Мне это давно безразлично. У тебя дети есть?

– Наполовину, – затаившись, ответил Игорь.

Аня удивленно вскинула брови.

– Ты и здесь всех переплюнул. В природе пока такого явления не наблюдалось.

– Почему же? Довольно часто, – ответил Игорь с грустной ухмылкой. – Фамилию носит мою, а гены другого отца. Вот так. Короче, и не родная, и не приемная. Ее мамаша сама мне в этом созналась. Дочь – в детдом, и была такова.

– Так тебе и надо, – ледяным тоном подытожила Аня.

– Ньюша, зачем ты так?... – посмотрел он на нее виновато. – Ты знаешь, как все получилось?

– А здесь и знать нечего, – мрачно оборвала она его слова.

– Значит, Елена Пална так ничего и не сказала..., – упершись взглядом в стену, мрачно резюмировал он и продолжил: – У матери приступ случился. Ты же помнишь, я жил с отцом. Она осталась за бабулей присматривать, да и нахлебалась гарнизонной жизни. Не знаешь ты, что значит приказ старшего по рангу. Он меня прямо к поезду на машине доставил. Месяц она меня у себя продержала. Хоть меня терзали смутные сомнения, что они с отцом сговорились – чтобы после выпускного баклуши не бил, а к поступлению готовился. Мать у меня тот еще старшина в юбке. У тебя тогда телефона не было. Позвонил Романову, Олегу. Помнишь? Попросил передать, что так, мол, и так. Разве не сказал?

– Нет, – не веря своим ушам, она неосознанно покачала головой.

– Обещал, – неопределенно пожал он плечами. – Через месяц вернулся. К тебе сразу, а мать твоя на порог меня не пустила. Сказала, что ты в институт поступила. И точка. У кого ни спрашивал, никто не знал, куда. Осенью – армия. Потом уже ребята написали, что ты замуж вышла. Я и возвращаться не стал. Что такого я, собственно, сделал? Не с ребенком же я тебя бросил? – с расстроенным видом сказал он, в сердцах раздавив в пепельнице окурок.

– Ты в этом уверен? – все тем же бесстрастным тоном тихо спросила она.

Игорь взглянул на нее и замер, словно изваяние. Бледное гипсовое изваяние...

– Нюша, – произнес он еле слышно, судорожно глотнув слюну, – ведь всего раз было.

Аня грустно улыбнулась.

– А сколько надо?

– Почему же ты не сказала?.. – все еще окончательно не придя в себя, спросил он.

– Кому, Игорек? Ты ведь тоже – ноги в руки, и был таков. И выбора у меня не было. Месяц, как умер отец. А смерть от рака нелегкая. Мама еще от нее не оправилась. Я до сих пор все помню. И страх, и позор, и боль адская. Вот и все, что осталось у меня от этой любви. Да нет, не все, пожалуй. Как же мне не помнить Романова? За него-то я замуж и вышла. Но это с тобой не связано. Не думаю, что он сподличал бы. Мы с ним позже случайно встретились на новогоднем институтском вечере. Я после всего этого от парней как от чумы шарахалась, а он поначалу особого рвения не проявлял, да и вообще, по-моему, ровно ко мне дышал.

– Свежо придание, – продолжая сверлить взглядом стену, помрачнел Игорь, – к красавице дышал ровно, однако же, на кикиморе не женился.

– Не вали с больной головы на здоровую, – осадила его Аня, – не в этом суть. Мама его гинекологом работала. Вот на свадьбе все это и всплыло. Моя мама с сотрудницей ее договаривалась. Она договорилась, а та проговорилась. Знаешь, как бывает. Как ему было, жизнь с обмана начинать? А ведь он тоже меня любил. Детей у меня нет и быть не может. И за все время я не слышала от него ни слова упрека. Предлагал усыновить ребенка. Зачем ему чужой? Он и своих иметь может. Я сама настояла на разводе, – Аня тяжело вздохнула. – Согласился. Развестись-то мы развелись, а как дальше жить, я не знала. Мы даже квартиру не разделили. Все бросила и приехала к маме. Этот развод ее, бедную, и добил. Сперва в церковь ходила и плакала. У меня прощения просила. А я ведь молодой тогда была да глупой. Что я понимала? Тошнит и тошнит. Думала, чем-то отравилась. А когда мама поднажала, я ей и призналась. Где было тебя искать? Да и зачем позор на люди выносить? Достаточно было того, что мы с ней в глаза друг другу не могли посмотреть. И ты хотел, чтобы она после этого тебя на порог пустила? Где ты, кстати, жил все это время?

Аня продолжала все тем же бесстрастным тоном, словно и не ей довелось пережить это. Только когда о маме вспомнила, глаза затуманились черной болью, и по щеке поползла скупая слеза. А мозг машинально фиксировал, как он достал дрожащими руками сигарету, прикурил и, тотчас забыв о ней, слушал ее с обреченным видом. Казалось, он полностью ушел в себя, вернувшись памятью в давно ушедшие молодые годы. Но от вопроса ее словно очнулся. Какое-то время он еще молча смотрел на нее, как бы пытаясь осознать его смысл.

– Я?.. – переспросил он машинально. – Вечный жид, Агасфер. Перекати-поле.

– Сюда не тянуло?

– Я и тогда успел пожалеть, что вернулся. И тебя не застал, и кроме того неприятная история у меня получилась. Была у меня до тебя одна... как бы помягче сказать... ушлая. Пару раз к себе в постель затащила и решила на меня свои грешки повесить. Там и кроме меня крутилось немало, повзрослее и поумнее. Послал ее на три буквы и вернулся к матери. Но в пику ей поступать не стал, ушел в армию.

– Давно женился?

– Да я и женился-то по глупости. Армия мозги вправила, поступил в институт. Продлил себе пять лет беззаботной жизни. Потом по накатанной – инженером на завод. После тебя через

восемь лет по-настоящему увлекся женщиной. Работали вместе, она на пять лет старше была. Но выглядела превосходно. Года четыре вместе прожили и неплохо жили, – с ухмылкой покачал он головой и провел ладонью по бороде. – Видно, правду говорят – от судьбы не уйдешь. В один прекрасный день нарисовался ее муж и давай с ней делить жилплощадь. Я ей сразу предложил, свалим на квартиру, а там разбирайтесь. Так она и послушала. Ну, я обрубил все концы и закрутил с первой попавшейся. Угадай, чем все закончилось? Подозрительно быстро залетела, но она, похоже, тогда и сама не знала, от кого. Недоношенные восьмимесячные редко выживают, а здесь здоровая деваха – три двести! Что было выяснять, когда и так все было понятно. Я и без того со Светкой своей за пару лет поседел. Пока в декрете была, как-то держалась, а стоило на работу выйти... Ребенок в яслях болеть стал. Либо я на больничном сидел, либо мать санитаркам приплачивала. А Светке крышу срывало, сутками пропадала неизвестно где. Воевал поначалу, а когда исколотые вены увидел, лечить стал. Она и оттуда сбежала. Ради Машки терпел, хотел ребенку мать сохранить. Да и Светку жаль было. Надеялся, что одумается. Когда Союз распался, и у меня в кармане засвистело, она и одумалась – забрала дочь и сбежала. В запое неделю был. Потом так, время от времени. При живой жене и дочери в один день без семьи остаться... Через пару месяцев Машку в детдоме нашли.

– Мог бы забрать, фактически ты ее отец.

– Мог бы, забрал бы. Теща на меня телегу накатала, что я дочь ее наркоманкой сделал. Попробуй, докажи обратное. Никто мне ее так сходу не отдал. А жить как-то надо было. В Грецию поехал на заработки. Год пробыл и плюнул. Жизнь скотская. Как негр на плантации. Думал забрать ее. Только, что это за семья, без матери? А там она пообвыкла. Поехал в Германию, бус купил. Иногда товар вожу, а в основном машины гоняю. Неплохо получается. Отец мне здесь квартиру оставил, когда его перевели. Он и сейчас еще бодрячком, сына родил, не намного старше Машки. С матерью, кстати, до сих пор в хороших отношениях. Два самостоятельных человека, что им делить? А я мотаюсь туда-сюда, матери денег подбрасываю. За квартиру здесь время от времени плачу, когда из Польши машины гоняю. На днях на заказ пригнал, продал. Сегодня, думаю, схожу на рынок. Сухомятка эта уже надоела. Смотрю, ты вроде. Нет, я тебя сразу узнал. Просто не понял, как ты здесь оказалась. Краем уха слышал я от наших, где ты живешь. Ты в школе преподаешь? А Олег, где?

– Терапевт. Участковый, – отпивая воду, думая о своем, машинально ответила она.

– Получается, куда метили, туда и попали, – печально ухмыльнувшись, попытожил он. – А здесь, что ты делаешь?

Так и не докурив сигарету, Игорь потушил в пепельнице ее жалкий остаток.

– Сам видел.

– Нет, я не в том смысле. Почему назад не возвращаешься?

Тяжело вздохнув, Аня потупила взор.

– В двух словах не объяснить. Там все вкривь и вкось пошло: ни семьи, ни зарплаты.

Здесь можно хоть как-то сводить концы с концами.

Игорь улыбнулся.

– А я сперва подумал – ты с сыном.

– Это Любы Стрельцовой сын, помнишь?

– Мда... – помрачнев, протянул Игорь. – Помню.

Непонятно отреагировал. Аня задержала на нем внимательный взгляд. Не замечая ее взгляда, он снова достал из пачки сигарету. И почему-то снова дрожащими руками. Прикурил.

– Что у тебя с руками? На пьющего ты вроде не похож, – спросила она, с опаской глядя на его руки. Двадцать лет – срок немалый. Кто знает, чем он теперь дышит?

– Ничего странного, – затянувшись, бросил он с расстроенным видом. – Такое узнать... Ньюша, а я ведь любил тебя, – посмотрел он ей в глаза, – долго забыть не мог. А с Любкой... у вас что, общий бизнес?

– Я у нее продавцом работаю, – обходя любовную тему, ответила она обыденным тоном. – У нее три точки на рынке. Могла бы себе магазин позволить. Нет, над каждой копеечкой дрожит. Хотя, я ее понимаю. Привыкла. Она ведь одна с сыном живет. Тоже хлебнула, бедная. Родить родила, а от кого, никто не знает. Ей не до институтов было. Мать поедом ела, а отец, сам знаешь, какой. Что с алкаша взять? С горем пополам ее на завод то ли учетчицей, то ли бухгалтером пристроили. Потом однокомнатную, как мать-одиночка по льготной получила. Они с Колей там и сейчас живут. Невестку себе с квартирой присматривает. А ей одной, говорит, больше не надо. Мы с ней раньше редко виделись. Сюда только в отпуск приезжали. Это сейчас уже она мне о своем житье-бытье порассказала.

– Ему сколько? – неестественно напряженно спросил Игорь. И опять непонятно.

– Двадцать два, ... – прикипев к нему взглядом, медленно ответила Аня. И вдруг яркой вспышкой мозг озарила внезапная догадка: – А ведь... Игорь, он ведь на тебя похож, – еле слышно произнесла она, ощутив внутри неприятный холодок.

Игорь ничего не ответил. Упершись локтями в колени, он обхватил голову руками.

– А я все думала, кого он мне напоминает, ... – словно в тумане продолжала Аня. – Только ты светлый, а он темный. Вот и вся разница.

Он, казалось, не слышал ее слов.

– Это она была? – резко и отчетливо прозвучали ее слова в наступившей давящей тишине. Впрочем, ответ она знала заранее.

– Да, – словно эхо вдогонку ее догадке прозвучали его слова.

Так и сидели они вдвоем в гробовой тишине. Внезапно резко подняв голову, Игорь прямо посмотрел ей в глаза.

– Нюша, ты с мужем обратно сходитья не собираешься? – спросил он.

Не зная, что ответить, Аня уставилась на него немигающим взглядом.

– Давай поженимся, – с пугающим блеском в глазах выпалил он.

Она замерла от неожиданности. Сознание сковало жутковатое предчувствие.

И тут как черт из табакерки выскочил вдруг первобытный инстинкт и погнал мощную волну страха. «Что-то тут нечисто, – закипал в мозгу ужас. – Руки дрожат... Сам наркоман и нашел такую же. Вот вляпалась. И Томку не позовешь. Как же его успокоить?»

– Ты... выпить хочешь? – брякнула она первое, что на ум пришло.

– Давай, – бросил Игорь, уставившись в одну точку.

Мигом поднявшись, она пошла к кладовке, где с маминых похорон остались две бутылки водки. Взяв одну, она направилась на кухню, говоря на ходу:

– Сейчас бутерброды сделаю.

– На кой мне твои бутерброды?! – внезапно сорвался с кресла Игорь.

Выхватив у нее из рук бутылку, он открыл ее и щедро плеснул в оставшуюся в стакане воду. А она так и застыла с чувством растерянности. Не глядя на нее, он залпом осушил стакан и хукнул. Потом опустился в кресло с бутылкой водки в одной, стаканом в другой руке и опять уставился в одну точку. Подавив в себе страх, она не спеша подошла к нему и осторожно взяла у него из рук стакан и бутылку. Едва она успела поставить стакан на стол, как он снова резко поднялся и обхватил ее руками.

– Поженимся? –дохнул он на нее резким запахом алкоголя.

«Ой-ой-ой...» – только и промелькнуло в ее оцепеневшем сознании.

– Поженимся, поженимся... – пролепетали ее губы, а руки делали жалкие попытки освободиться да как-то утихомирить этого «жениха». Ни о чем другом она просто не могла думать. Но с бутылкой водки в руке это было сделать непросто.

Почуввав неладное, не разжимая цепких объятий, он обидчиво спросил:

– Ты меня, что, идиотом считаешь?

«И довольно буйным...» – снова промелькнуло в глубине ее сознания, а губы расплылись в жалкой глупой улыбке.

– С чего ты взял? А... давай вместе выпьем? – брякнула она снова.

Понимая, что понемногу и сама переходит в ненормальное состояние, она тем не менее не знала, как из него выпутаться.

От неожиданности он ослабил хватку. Ловко вывернувшись из его объятий, Аня попятилась к спальне, не сводя с него испуганных глаз.

– Ты чего?.. – оторопело уставился на нее Игорь.

– А ты?.. – продолжая пятиться, пролепетала она.

– Что, я? – все еще ничего не понимая, переспросил он.

– Поженимся... – не в силах выдать из себя больше ни слова, еле слышно ответила она.

– Ну и что? – недоуменно пожав плечами, Игорь направился было к ней.

– Не подходи... – зажмурившись, она машинально подняла бутылку.

И тотчас вздрогнула. По волосам и по лицу холодными струями потекло содержимое бутылки, вмиг остудив ее воспаленное воображение. Да... еще неизвестно, кто из них на самом деле свихнулся. Открывать глаза она боялась, она просто не знала, как ей быть. И не зря боялась. Открыв их, она увидела, как Игорь с обескураженным видом смотрел на нее со своего кресла. И вдруг, очевидно, что-то сообразив, взорвался волной оглушительного смеха. А она так и застыла с жалким видом мокрой курицы. Глупо было оставаться здесь дольше. Пытаясь выйти из этого нелепого положения, она решительно подошла к столу и выплеснула остаток водки в его стакан. Водка перелилась на стол. Получилось еще нелепее. Чтобы не расплакаться прямо при нем, она резко отвернулась и пошла на кухню.

Пытаясь как-то отвлечься, она принялась готовить бутерброды. Через влажную пелену, застилающую глаза, видела она плохо, но, порезав палец, тотчас почувствовала острую боль. Это было уже слишком. Зажав палец ладонью, она присела на табурет и, склонившись над доской с черствым батоном, горько заплакала. Она не знала, почему горячие слезы упрямо струились по щекам. «От обиды, от обиды, от обиды», – шептало сердце. А обиды было слишком много – на то, что жизнь не удалась, что одинока, что у них все так глупо получилось, и винить в этом некого. Нет больше прежней Нюши, которую он когда-то любил. Есть сорокалетняя Аня со слипшимися мокрыми волосами, с порезанным пальцем, жалкая и одинокая, которая даром ему не нужна.

Заскулила Аза. Судорожно всхлипнув, она вытерла ладонью глаза и посмотрела на свою любимицу. Склонив голову набок и держа в зубах поводок, Аза ждала вечерней прогулки. Этого только сейчас не хватало...

Вяло поднявшись, Аня позвала Игоря и, взяв нож, снова принялась нарезать батон. Услышав звук приближающихся шагов, не решаясь повернуться, она сказала:

– Выйди с Азой.

Он вошел в явно хорошем настроении.

– Она меня съест, – пошутил он, пристегивая поводок к ошейнику. Аза заскулила еще оживленнее. Ей явно не терпелось погулять и, судя по всему, было безразлично, с кем.

– Тебя и дихлофосом не выведешь, – не поворачиваясь, вздохнула Аня.

– Гм... – неопределенно хмыкнув, он шлепнул ее по мягкому месту.

От неожиданности Аня вздрогнула. Резко повернулась, сжимая в руке нож, она заметила, как тотчас переменялся его взгляд. Не сказав больше ни слова, он поспешно ретировался и скрылся за дверью.

А она так и застыла посреди кухни в полном недоумении. Наконец, пошла в ванную и... ужаснулась собственному отражению. Чувело с мокрыми волосами, с перепачканным тушью и кровью лицом смотрело на нее оттуда. При виде крови она передернулась, забыв, как выти-

рала ладонью глаза. Положение становилось все нелепее. Подавленная и опустошенная, она наспех принялась приводить себя в порядок, боясь не успеть к его возвращению.

Но она успела. Успела привести себя в порядок, перебинтовать палец, вытереть стол, сделать бутерброды. Окинула взглядом гостиную. Бежевый накат на стенах. Два кресла с высокими изогнутыми спинками у окна. Между ними небольшой журнальный столик с вазочкой вечноцветущих искусственных фиалок. У противоположной стены над диваном красочный коврик с украинским орнаментом. Рядом полированный стол. Над ним – настенные часы, которые после смерти отца никто не заводил. Рядом на небольшой подставке цветной телевизор устаревшей модели. И сама мебель, и пестрая ее начинка: сервизы, рюмки, бокалы, книги различной тематики, всевозможные статуэтки и безделицы – все это приобреталось от случая к случаю без какой либо системы и цели. Со стороны это могло показаться безвкусицей. А для нее было частью ее жизни.

Она нетерпеливо выглянула из окна, за которым протекала привычная жизнь – судачили о своем на лавочке старушки, бегала по двору ребятня, склонившись над открытым капотом старенького «Москвича», о чем-то спорили два соседа из соседнего подъезда. Время шло, а Игорь не возвращался.

Наконец, щелкнул замок в прихожей, вбежала Аза и потрусила в кухню пополнять растраченную энергию. За ней с пакетом в руке вошел Игорь и направился в гостиную.

– Батюшки-светы, да у нас пир горой! – глядя на блюдо с бутербродами, воскликнул он и выложил из пакета на стол бутылку коньяка, кофе, салями, сыр, балык, лимоны и пачку сигарет.

– Ну, что, помолвку обмывать будем? – с озорной улыбкой потер он руки. – Принеси тарелки и нож, не то опять порежешься.

– Игорь, у тебя сын есть, – не обращая внимания на его шуточный тон, сказала Аня.

Игорь на мгновение замер, а потом с невозмутимым видом уселся возле нее в кресло.

– Если бы каждой бабе от меня рожать вздумалось, мне бы всей зарплаты на алименты не хватило, – шуточно ответил он.

– Она не баба. Ей всего семнадцать было, – приложив руку к груди, не отступала Аня.

– Ну, ну... Что там еще было? – выжидающе посмотрел на нее Игорь. – Не знаешь? Хорошо, так и быть, скажу по-дружески... – все больше раздражаясь, продолжал он. – Это не я ее, а она меня невинности лишила. И выглядел я при этом довольно жалко. А если ей приспичило родить от мальчика, это ее личное дело. Меня она об этом не спрашивала.

– Не будь циником, – отрезала Аня, отмечая его тон.

– Ах, да! – вспыхнул Игорь. – Давай в благородство поиграем! Какой у нас благородный многострадальный Олег! Да трус он обыкновенный! Любил, любил и бросил. Вы мирно жили и мирно разошлись... Да потому и мирно, что не любили! Никто любимую женщину из-за этого не оставит. А Елена Пална, царство ей небесное, какой благородной женщиной была!

– Не смей! – резко вскочила Аня, собираясь залепить ему пощечину. – Как ты можешь?!

– Могу! – схватив ее за руку, крикнул Игорь. – А она смогла?! Моего ребенка убить смогла?! Дочь свою семнадцатилетнюю заставить пройти через это смогла?! А когда я через месяц примчался к тебе, дверью хлопнуть перед моим носом смогла? Я бы женился, Нюша, не раздумывая женился бы... Можно ведь было поговорить, спросить, наконец! Нет! Она сама за нас все решила! Она – господь бог! Ведь ты любила меня, Нюша, ну вспомни, вспомни, как все было. Я сыт по горло твоим благородством! Ведь ты ни разу не сказала одного единственного – что ты его любила, – с горечью произнес он, но тотчас снова вспыхнул гневом. – Ну, зови сюда Любку! И Колю позови! Давай расскажем ему, как оно было! А мне плевать на этого сына! Я двадцать два года его в глаза не видел! Какой он мне сын?

Игорь с усталым опустошенным видом тяжело опустился в кресло и поднял к ней глаза.

– Я тебя просто люблю, Ньюша. Не красиво и не благородно. Но люблю. А я не знаю, как любить иначе. В чем я виноват? В том, что твоя мать скрыла от тебя правду? Вот и поклонись ей за это, – с расстроенным видом он открыл пачку, достал сигарету и прикурил. Снова посмотрел на нее. – Садись. Чего стоишь? – затынулся. – Вот так и получается – все хорошие и благородные! Одна, стерва, потому, что женить на себе вздумала, такая благородная мать-одиночка! Вторая потому, что ребенка моего убила, тоже мне, мамаша сердобольная! А третий потому, что страдал, терпел, а потом взял и наплевал. Трус чертов! Все благородные. А я один, змей искуситель, полжизни промыкался по белу свету, во всем виноват. И ни в чем не виноват! – обратился он к ней полный отчаяния взгляд.

Аня молчала. Нечего ей было ответить на его слова.

Игорь со всей силы вонзил окурочек в пепельницу и поднялся.

– А знаешь, что? – глядя ей в глаза, произнес он. – Я и поступлю сейчас некрасиво и неблагородно, – с этими словами он подошел в Ане. Одним махом расстегнул свою рубашку так, что пуговицы разлетелись. – Хватит в благородство играть. Я тоже человек. Я тот раз, один единственный, в своем сердце всю жизнь, может, берег! Да и ты... не старалась бы так, будь я тебе безразличен. Ты же снова стала женщиной. Перед кем нам с тобой притворяться? – он подходил к ней все ближе, и все тише звучали его слова. Бушующий огонь в его глазах сменился искорками чистой нежности. Обхватив ладонями ее голову, он слегка коснулся ее губ.

– Зачем ты бороду отрастил? – прошептала Аня, касаясь кончиками пальцев его бороды.

– У меня шрам на подбородке, – обнимая ее, грустно улыбнулся Игорь.

– Побрейся, – снова прошептала она, касаясь губами его плеча.

– Чем? – проводя ладонями по ее волосам и спине, прошептал он в ответ. – Поздно уже. Завтра побреюсь.

– Я не могу... – слегка отстранившись от него, Аня опустила глаза. Почувствовала, как он замер в напряженном ожидании. – Дай мне время... Я не могу так... сразу.

Безвольно опустив руки, он отошел и снова опустился в кресло. Поправив бретельки сарафана, она присела рядом с ним на диван.

– Пойми, – сказала она тихо, включая торшер, – мне тяжело сейчас. Даже если ты ни в чем не виноват... Но все эти годы я жила именно с этой мыслью. И потом... ты не прав. Маму тоже надо понять. Она мне добра желала. Ты не знаешь, как ей было, поэтому не суди ее, – она задумалась. – При чем здесь благородство? Себя понять всегда легче, чем другого. У тебя – либо черное, либо белое. Так не бывает. Да и Люба... Игорек, пусть она... Это, в конце концов, ваше дело. Но Коля... Он ведь твой родной сын. У него ведь тоже никто не спрашивал. Ну да, он вырос. А в каком возрасте отец не нужен сыну и сын не нужен отцу? Есть ли вообще такой возраст?..

– Да все я понимаю, не начинай, – с расстроенным видом отмахнулся Игорь. – Лицемерить не хочу. Что я могу к нему чувствовать, если я его уже взрослым мужиком увидел? Я и обратился-то на него внимание потому, что посчитал его твоим сыном. А оказалось – мой... – с грустной ухмылкой покачал он головой. – А Машка ведь не моя. Точно не моя. Но три года купал ее, одевал, из соски кормил, в садик водил...

Пересев на диван, он привлек ее к себе.

– Ньюша, давай Машку к себе заберем. Я ведь по документам ее отец. Светку она не помнит. Тебя мамой называть будет. И будет у нас ребенок. Хочешь, к тебе переедем. Мне здесь Любка эта будет, как бельмо на глазу, – потупив взгляд, покачал он головой. Прижав ее к себе, провел щекой по ее волосам. – Сколько лет нас разделяет... Страшно подумать. Не один, не два, а двадцать. А мне и вспомнить-то нечего. Ньюша, а Олег, он сейчас с тобой, как?

– Никак, – с грустной улыбкой пожал плечами Аня. – Не потому, что все ему безразлично. Я просто сказала так – согласился. На самом деле все было гораздо сложнее. Мы с ним действительно жили хорошо. Почему ты считаешь, что мы не любили друг друга? Любили, –

перевела она на Игоря спокойный взгляд. – Мы с тобой изменились, Игорек. У меня свой круг общения, у тебя свой. Чего-то ты во мне не сможешь принять, чего-то я в тебе. А меняться в таком возрасте, сам знаешь, непросто.

– Брось, – добродушно возразил Игорь. – Только ты не обижайся, ладно? Ну, какой у тебя сейчас круг общения? Любка да Томка... тоже, чудо в перьях. Позови ее, если хочешь. У нее семья есть?

– Есть дочь. А муж бросил.

– Правильно. Кто с такой блажной сладит? – он вдруг рассмеялся. – Она же среди вас самая сисястая была. Пацанам полапать охота, а она дерется, как первоклашка сопливая.

– Ох, Игорек, – вздохнула Аня. – Такой уж она уродилась. Мама ей квартиру оставила, в деревню переехала. Сперва они с мужем неплохо жили. Оба на консервном заводе работали. Таким он каким-то недалеким был, ее муж. Но любила. На первый взгляд, она бойкая и задиристая, а на самом деле, как лиана. Ей обязательно надо за кого-нибудь зацепиться. Стержень нужен. Не вовремя у нее все получается.

– Не понял...

– Знаешь, как у Пушкина – блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел. Она не созрела. Для правильных решений, во всяком случае. Когда надо было думать, как жизнь после развода устраивать, она пустилась во все тяжкие. Сейчас, когда дочь на выданье, принялась свою жизнь устраивать. Не понимает, что к ней все больше погулять ходят. И она с ними за компанию. А дочь жалко. Бедный ребенок... Чего от нее ждать, если она нормальной семейной жизни не видела? Сама я ее плохо знаю. Здороваемся при встрече, и все. Олег еще со школы Томку на дух не переносил. А по мне, так она неплохая. Если бы не пьянки... Ко мне телевизор ходит смотреть. Ухажеры в прошлом году как разбили, так до сих пор никак не починят. Раньше она к маме моей бегала, а сейчас ко мне, по привычке. Да нет у меня сейчас никакого круга общения. Мне и не хочется, – тяжело вздохнула она.

– Нюша, но я понять не могу, как так можно – любили, любили, а потом, любя друг друга, спокойно разошлись. Так не бывает!

– Не бывает... – согласилась Аня. – Не надо об этом, ладно? – она повернулась к нему. – Ты прав, не будь здесь тебя, не стала бы я прихорашиваться. Как и что себе не внушай, но женщиной чувствуешь себя тогда, когда рядом мужчина. Так получилось, зачем обязательно искать виновных? Разве от этого станет легче? Других судить проще. Приклеил ярлык – и напрягаться не надо. А попытаться понять человека сложнее, потому что, поняв его, возможно, придется простить. Вот тебя ни за что осудили – как тебе было? Труднее всего преодолеть собственное эго...

Аня говорила, а на душе было так легко, так уютно, так тихо. Он слушал, прислонив ее к своему плечу. У ног пушистым черным ковриком растянулась Аза. За окном теплые сумерки сменились непроглядной черной мглой. Повеяло свежестью и прохладой. Легкий ветерок играл полотном стареньких гардин. Снаружи доносился слабый аромат цветущих лип и затихающие звуки привычной городской жизни.

– Нюша, я тебе уже дал время? – прошептал Игорь, касаясь губами ее виска. Слегка повернувшись, Аня подняла к нему глаза. Его слабоосвещенное лицо выглядело сейчас уставшим и умиротворенным. «Не отстанет, – поняла она, – все-таки мы с разных планет. Ты ему про Фому, а он тебе про Ерему». В подтверждение ее мыслям рука его легко скользнула по тонкой бретельке ее сарафана. Его губы, его руки были такими же нежными и ласковыми, как когда-то. И все-таки, в них ощущались опыт и властность. И в его нежных властных объятиях она чувствовала себя семнадцатилетней робкой девушкой и пылкой сорокалетней женщиной. Эти такие, на первый взгляд, противоречивые чувства сейчас дополняли и усиливали друг друга. Пожалуй, впервые за двадцать лет она открыла душу, пустив туда свою молодость, и вся нерас-траченная любовь щедрым потоком хлынула из нее, согревая его своей теплотой.

3

Резкий звонок внезапно вернул их с поднебесной высоты на грешную землю.

– Не открывай, ... – прошептал Игорь, пытаясь удержать ее в своих объятиях. – Кто это?

– Может, соседи, – присев на диване, Аня нырнула в свой сарафан. – Надо, Игорек. Ночью зря беспокоить не станут.

Аза угрожающе зарычала и побежала в прихожую.

– Оденься, – бросила она ему на ходу, поправляя растрепанные волосы.

– Вряд ли соседи, подожди, – сказал Игорь, поднимая с пола одежду, – ты что, мать Тереза? – ворчал он, на ходу надевая сорочку. – Я сам открою.

Она послушно отошла в сторонку, глядя, как он с мрачным спокойствием открывал дверь, и робко выглянула из-за его плеча.

На пороге стояла заплаканная Томка.

– Ты кто?.. – тупо уставилась она на Игоря припухшими от слез глазами.

– Проходи, раз пришла, – раздраженно бросил Игорь. – Нечего у порога торчать.

– Э, козел... ты кто?! – разгневанная Томка ткнула Игоря кулаком в грудь.

Аня ахнула от неожиданности, а Игорь как ни в чем не бывало, рванув Томку на себя, захлопнул за ней дверь, лениво бросив при этом:

– Еще раз обзовешь, язык вырву.

Такое проявление мужской силы слегка осадило Томку, и она покорно поплелась за ним в гостиную. Аня осталась у двери, прислушиваясь к доносящимся снаружи крикам.

– Да кто ты такой?! – послышался из гостиной возмущенный Томкин голос. – Анька! Где ты такого хахалю откопала?! Он тебя еще не убил?!

– Нет. Это у тебя там ругаются? – спросила Аня, входя в гостиную.

Присаживаясь на диван, она поманила рукой соседку. Игорь с мрачным видом устроился в кресле.

– У меня, – кивнула Томка, усевшись рядом с Аней, и повела взглядом в сторону Игоря.

– Это Игорь Корецкий. Помнишь? – вопросительно посмотрела на нее Аня.

Томка застыла в одной позе, пытаясь вспомнить, кто бы это мог быть. Внезапно с радостным криком она вскочила с дивана и бросилась на шею бывшему однокласснику.

– Какие люди в Голливуде! Гоша! – расплылась она в улыбке, дыша перегаром ему в лицо.

Это прозвище с Томкиной подачи подхватил когда-то весь класс, сжав панибратское «Игореша» в удобное «Гоша». Так оно и плелось за ним весь год.

– Ф-у-у, – отвернулся Игорь. – Да ты, я вижу, не просыхаешь.

– Гоша, жизнь... сука... довела, – уткнувшись лицом в его грудь, Томка внезапно разразилась горестными рыданиями.

– Ничего, Том, сейчас мы эту жизнь поправим и тебя спать отправим, – освободив шею от цепких Томкиных объятий, он прикидывал, как бы ловчее от нее избавиться.

– Как?.. – Томка тупо уставилась на него.

– А вот так, – подмигнул он ей, открывая бутылку коньяка. – Выпьем мировую и зароем топор войны.

– Какой топор?! – крикнула Томка, с недоумением уставившись на Игоря. – Че ты сюда с топором приперся?

На миг опешив, Игорь махнул рукой.

– Время тебя, вижу, не коснулось, – сказал он при этом.

– Гоша! – расценив его слова, как комплимент, Томка снова бросилась ему на грудь, странно при этом икнув.

Вмиг сообразив, чем это закончится, Игорь протянул открытую бутылку, с отчаянием крикнув:

– Держи, добро пропадет!

Аня тотчас подхватила пляшущую в его руке бутылку, а он потащил Томку в ванную.

Вскоре оттуда донеслись надрывные Томкины стоны и шум спускаемой воды.

Наконец он втащил бледную обессиленную Томку в гостиную и с отвращением бросил на диван.

– Я рубашку снял, постираешь завтра, – сказал он на ходу, направляясь обратно.

Сочувственно взглянув на Томку, Аня пошла за ним.

– Может, лучше сегодня? – спросила она неуверенно, подавая ему полотенце. – В чем завтра пойдем?

– Купим. Сегодня только стирки не хватало. Слушай, давай я ее домой отнесу?

– Пусть лежит, – вздохнула Аня. – Слышишь? Там то ли ругаются, то ли дерутся...

Может, милицию вызвать?

– Оно тебе надо? – вытираясь, отмахнулся Игорь. – Давай поедим, я голоден как волк, – добавил он, направляясь в гостиную.

– Не хочу. У меня голова раскалывается, – ответила Аня, подавая ему тарелки и нож. Сама присела рядом с ним, наблюдая, как он толстыми ломтями нарезает колбасу.

– Кто так режет? – не выдержала она.

– Не ерунди,... – добродушно улыбнулся Игорь. – А как резать? Вдоль, что ли? Возьми балычок.

– Я хочу,... – слабо пропела Томка, не открывая глаз.

– Проспись, – бросил Игорь с набитым ртом, – не то сейчас и балык в унитазе окажется. Туда и бесплатное дерьмо отправлять можно. Должно же что-нибудь и в желудке задержаться, – осушив рюмку, он принялся уплетать колбасу, отламывая солидные ломти батона и расправляясь с ними с крокодилей хваткой.

– Как я завтра на таком солнцепеке выдержу? – потирая виски, вздохнула Аня. – Надо хоть немного поспать.

– Нюша, уходила бы ты оттуда к едрене фене, – отломав очередной ломоть батона, посмотрел на нее Игорь.

– Уйду. Надо же ей замену найти.

– А Колька, лоб здоровый, чего там сидит? Пусть поработает, пока она кого-нибудь подыщет.

– Пойди и сам скажи.

– И пойду.

– И я пойду, – вставила Томка, открыв глаза.

– Спи, – не глядя на нее, бросил Игорь.

– Я есть хочу, – с мрачным видом Томка уселась на диване. – Э! Ты кто? – заметив Игоря, она снова тупо уставилась на него.

– Конь в пальто, – с набитым ртом отрезал Игорь и, припечатав ломоть батона солидным куском колбасы, протянул Томке. Томка молча взяла, уставившись на Аню.

– Ань, че это за один? – коротко кивнула она в его сторону.

– Я же говорила, – устало ответила Аня. – Игорь Корецкий.

Томка какое-то время тупо смотрела на Игоря и вдруг, так же резко сорвавшись с дивана, опять повисла у него на шее.

– Гоша! – оглушила она его радостным криком.

– Слушай, Том, – отвернулся Игорь, – от тебя несет, как из помойной ямы... Ты че ревела?

– Кто ревел? – искренне удивилась Томка, плюхнувшись на диван с куском колбасы в одной и ломтем батона в другой руке. – А че я еще делала?

– Ничего, – как ни в чем не бывало отрезал Игорь. – Слушай, давай ешь и мотай отсюда. Спать охота, – миролюбиво добавил он, подрезая колбасу.

– Ты че, с Анькой будешь? – спросила Томка с набитым ртом. Игорь молча кивнул.

– Пошли со мной, – предложила она, поднимаясь с дивана.

– Я б те показал, да руки заняты, – съязвил Игорь.

– А, ... – вдруг вспомнив о чем-то, Томка снова плюхнулась на диван. – Ко мне нельзя. У меня там змея.

– Какая змея?! – испугалась Аня.

– А, – отмахнулась Томка, – пришла за своим мальчиком с пальчиком. На фиг он мне сдался...

– Не ругайся, – вставил Игорь.

– Заткнись. Без тебя тошно. Всю посуду перебила.

– Мельчаешь, Тома. В утиль тебя надо, – покачал головой Игорь.

– Это еще неизвестно кого надо, дурак. Дай колбасы.

– Ну да, я тебя здесь колбасой потчую, а ты меня дураком обзываешь. Поди, совсем оклемаешься, так и башку снесешь.

– Да на фиг мне башка твоя? У меня и своя не хуже имеется. Дай колбасы, жмот.

– Так чего ты редела-то? – спросил Игорь, протягивая ей очередной бутерброд с колбасой.

– Э-э... – покачала головой Томка. – Хлеб сам ешь, от него толстеют. А че редела?.. Хотела и редела. Моя башка. Хочу – ревет, хочу – песни поет. Ань, ты Мирку мою не видела?

– Нет, – пересиливая головную боль, ответила Аня.

– Че, перебрала? – с сочувствием спросила Томка. – Ну да... от жизни такой повесишься, не только напьешься. Слушай, ну еще Толстой говорил – в человеке все должно быть прекрасным: и лицо, и одежда и... что там еще? – тупо уставилась она на Игоря.

– Я кофе сварю. Ты будешь, Том? – поднялся Игорь. – Душа, кажется. Но, по-моему, это Чехов... – бросил он на ходу, направляясь в кухню.

– Буду. С каких пор ты с классиками на ты? Раньше за тобой такого не водилось.

– Знать – это одно, а принимать – другое. Кому нужна архаичная заумь? Умных мыслей и у современных писак хватает.

– Видно, надо умереть, чтобы стать классиком.

– Резонно, – ухмыльнулся Игорь, – тебе с сахаром?

– Я же сказала, худею, – недовольно проворчала Томка.

– Водки меньше пей. В ней весь корень зла, – весело крикнул Игорь. – Оч-чень она калорийная.

– Не учи меня... – отмахнулась Томка, отправив в рот очередной кусок колбасы. – А эта змея, Ань, орет – любовь, любовь! А сама мои тарелки – хлоп, хлоп! Ой... Да рожу ты покрась, мышь серая! – резко повернувшись, крикнула она через стенку невидимой змее. – А этой дуре лень, вот она и лезет со своей любовью! Хоть сама ни черта не знает. Только тумана в голову напустит! Ты на тот пальчик посмотри... – Томка скривилась, как от зубной боли. – Какая там любовь? От тоски подохнешь. А бегаешь же от ее любви ко мне. Ну... я его хоть пожалею. И телевизор обещал опять же... – вздохнула она с задумчивым видом. Но тотчас, словно очнувшись ото сна, резко повернулась. – А че он у тебя делает?.. – удивленно уставилась она на Аню, потом крикнула Игорю, – Гоша, ты че здесь делаешь?

– Предложение, – Игорь вошел с чашками в руках.

– Заливай, заливай, – Томка с сомнением покачала головой. – Думаешь, я поверю, что ты запал на этот суповой набор? Она раньше классной была, а ты даже не смотрел в ее сторону.

Сам вроде мужичонка справный. Или уже аллес капут? – при этом она смерила его выразительным взглядом.

– Сплюнь! – перехватив ее взгляд, Игорь ткнул ей под нос чашку.

– Ай! – воскликнула Томка. – Горячий!

– Ветер под носом есть? Вот и дуй! – мрачно рявкнул Игорь. – Сказал же, жениться хочу.

Пытаясь удержать в руках горячую чашку, Томка пронзила его пристальным взглядом.

Сообразив, что шутками здесь не пахнет, она недоуменно пожала плечами.

– Так у нее уже есть один. Ты не знал? – подозрительно спросила она. – На фиг ей сразу два? На Мирке моей женись, раз приспичило. Она у меня девка классная.

– Когда она девкой-то была? Забыла уже, небось, – беззлобно поддел ее Игорь, осторожно отпивая обжигающий напиток.

– А Анька помнит? Тоже мне, девку нашел, – фыркнула Томка.

– Злой у тебя язык, Тома, – Игорь послал ей ленивую добродушную улыбку.

– Зато сердце хорошее. Скажи, Ань, хорошее?

– Хорошее, – вздохнула Аня, заранее готова согласиться с чем угодно, лишь бы ее оставили в покое.

Видя, что Ане несладко, Томка обратилась к Игорю:

– У меня анальгин есть. Гош, пойдй, принеси. Он в тумбочке под телевизором, если эта змея не добралась.

– Зачем же тебе еще один? – изображая искреннее удивление, улыбнулся Игорь.

– Что? – не поняла Томка.

– Телевизор еще один, зачем тебе?

– А, этот так, для мебели, – махнула рукой Томка. – Я вон к Аньке бегаю. И сегодня приходила. Если бы открыла, так и тарелки были бы целы! – продолжала она, переводя мрачный взгляд от Игоря к Ане и обратно. – Ну, делаешь, и делай! Предложений я ваших не видела, что ли? Я бы себе здесь тихонько села. Такой сериал... Вот где любовь. Он тебе колечко на пальчик и в ресторане до отвала накормит. А живут как! После такого в свою дыру возвращаться не хочется. Себе, что ль, в Бразилию податься?... А, может... Мирку, а? – с надеждой посмотрела она на Аню. – Сколько ни смотрю, все мужики классные! И змеи чужих тарелок не хлопают! – снова повернулась она к стене. И вдруг хитро подмигнула Ане. – А я все думаю, чего ты здесь застряла? Школы там у вас позакрывали, что ли? – с ухмылкой покачала она головой. – Ох, не зря говорят – в тихом омуте черти водятся... Че сидишь? – обратилась она к Игорю. – Говорят же тебе – голова болит. Вы только и умеете, что предложения делать, а чтоб человеку пилюлю дать, ноги отвалятся. Ань, поехали в Бразилию. Вместе веселее будет. Там тебе и предложение сделают, и пилюлю на подносе принесут. И зимы нет, опять же. Торгуй себе на рынке весь год!

Игорь нехотя встал и направился в прихожую.

– Не надо, у меня есть, – остановила его Аня.

– Тогда че голову морочишь? – огрызнулась Томка. – Гоша, угостите даму сигаретой,... – тотчас переключилась она на Игоря.

– Хватит дымить, и так дышать нечем... – запивая таблетку, проворчала Аня, – один грамм никотина убивает лошадь.

– Так ей, дуре, и надо, – согласно кивнула Томка, подмигнув Игорю. – Лучше бы землю пахала, чем никотин жевать.

– Разве лошадь жвачное животное? – дала маху Аня, выпрыгнув со своей профессиональной дотошностью.

– А что, курящее? – молниеносно парировала Томка, чем рассмешила Игоря.

Видя, что эти посиделки могут затянуться до утра, Аня поднялась.

– Вы как хотите, а я ложусь. Мне вставать рано, – с этими словами она направилась в спальню.

– Ложись, Ань, ложись, – закивала Томка. – А мы с Гошей посидим, молодость вспомним.

– Еще чего?! – как ужаленный, сорвался с кресла Игорь. – Ложись и дрыхни. А может, твоя змея ушла уже?

– Не-а. Я ее заперла. Вместе с пальчиком, – принялась устраиваться на диване Томка. – Утром милицию вызову. О! Я за этим же к Аньке и пришла! – расплылась она в довольной улыбке. И вдруг снова помрачнела. – С ее мужика убудет, если со мной переспит? Было бы чему... А мне с чего жрать?! Я на нее еще и телевизор повешу, – подморгнула она Игорю и как ни в чем не бывало добавила, – Гоша, включи телевизор, подниматься неохота...

– Он же тебе мешать будет, – недоуменно посмотрел на нее Игорь.

– Песни послушаю. Что же мне, уши закрывать, пока вы там спать будете? Дурак ты, Гоша. Много там Анька понимает? Она кроме своего эскулапа и мужиков-то не видела,... – изрекла Томка, поворачиваясь к стене.

– Да спать мы будем, ты чего, в самом деле? – уставился на нее Игорь. – Это ж додуматься надо... – направляясь в спальню, покачал он головой.

– Ладно, тогда и я покемарю, – закрывая глаза, ответила Томка.

Раздевшись в темноте, Игорь лег под одеяло.

– Легче? – повернулся он к Ане.

– Вроде бы, немного,... – положила она голову ему на плечо.

– Вот тебе и не зря... Сейчас бы уже десятый сон видели, – вздохнул он, обнимая ее за плечо, и проворчал: – Я сейчас сам песни петь буду.

– Пой, Гоша, пой, а я послушаю,... – донеслось из гостиной. – Когда споешь, ко мне приходи. Споем дуэтом.

– Тьфу ты... – чертыхнулся Игорь. – Локаторы, а не уши.

– Страшно мне, Игорек, – уныло сказала Аня.

– Чего ты боишься?

– Как я Любе в глаза смотреть буду? А Коле, что скажу?

– У тебя на лбу не написано, где я ночевал.

– Но я-то знаю.

– Как ты вообще жить собираешься? Ну и сунь голову в песок, как страус.

– Вам с Колей надо будет встретиться. Он хороший мальчик.

– Ничего себе, мальчик! Мужуку двадцать два года! Он в армии хоть служил?

– Нет. Любка от себя ни на шаг не отпускает. Да он и не рвется. Когда ты Машу хочешь забрать? Ей сейчас сколько?

– Восемь уже. Пять лет не видел. Да хоть завтра. Машину продал, деньги есть. Поедешь со мной?

– Не знаю.

– Поехали, развеешься. С мамой познакомишься.

– Надо узнать, как с билетами.

– Зачем? Куплю здесь тарантайку какую-нибудь, у себя по любому дорожке сплавлю. Потом в Германию поеду, уже заказ есть. Решай сама, где тебе лучше – у себя или у меня. Прикинь, оказывается, до сих пор мы жили равноудаленно от своего прошлого, – и, видя ее удивленный взгляд, добавил, – ну, в смысле от этого города. По разные стороны от правды...

– Ань! – донеслось из гостиной. – А я вчера Любку встретила! Напилась вдрызг! Говорит, папашу Колькиного увидела!

– Где она могла меня видеть?... Она сильно изменилась? – озабоченно спросил Игорь.

– Поправилась. Ты так ни разу не виделся с ней?

– Я здесь больше проездом. Больно надо мне с ней встречаться.

– Любит она тебя. Не пойду я завтра, не смогу.

– Вместе пойдем. Ты ей обо мне ничего не говорила? Вам ведь дай потрепаться, хлебом не корми.

– Нет, только Олег знает.

– Гоша! – крикнула Томка. – Я телевизор включу! Что вы там шепчетесь, человеку спать мешаете.

– Спи, Том, мы тоже будем, – ответил Игорь, с наслаждением растянувшись во весь рост.

Согретая теплотой его объятий, Аня понемногу растворялась в приятной усталости. Боль отступила, и мысли, за день переругавшись и перепутавшись, теперь безвольно качались в колыбели сладкой дремы.

Проснулись они внезапно, резко, и сонные, ничего толком не понимая, засуетились вдруг, запрыгали. Вскочив с кровати, путаясь и чертыхаясь, Игорь пытался в темноте попасть в штанины.

С площадки доносился не то визг, не то крик, не то вой. Скорее всего, все это, вместе взятое. Аза оглушительно лаяла под дверью.

Игорь метнулся через гостиную в прихожую и, отбросив пса ногой, резко открыл дверь.

Ничего толком не понимая, Аня тоже наспех нырнула в свой сарафан и побежала вслед за ним.

Перед дверью на площадке, вцепившись друг другу в волосы, истошно орали Томка, Мира и незнакомая жилистая тетка. Кто, кого и за что, понять было совершенно невозможно. Да Игорь и разбираться не стал. Схватив каждую по очереди, отшвырнул подальше друг от дружки. Три пары глаз с недоумением и злобой уставились на него, но стало тихо.

– В чем дело? – спросил он у Томки мрачным тоном.

– А... – начала растерянно та, тыча пальцем в незнакомку. – Это все она, змея эта! Моя Мира под утро домой пришла, знать ничего не знала, а эта дура вцепилась ей в волосы!

Закончив свою тираду криком, Томка грозно пошла на ненавистную змею. И тотчас отлетела на исходную позицию.

– Убью! – крикнула незнакомка и бросилась к Томке.

Но вернуть ее на исходную позицию было куда труднее. Она считала, что дело ее правое, а Игорь явно мешал ей добить ненавистного врага. Вот и получил от нее кулаком по уху. Получилось бы и в глаз, если бы вовремя не увернулся. Игоря же, как мирного парламентария, задело неуважение сумасбродной тетки и, недолго думая, он с силой отшвырнул ее к стенке, грозно бросив при этом:

– Тебя бы в клетке держать, да еще и на цепи! Вызывай милицию, – повернулся он к Ане.

Мигом сняв трубку и набрав две цифры, Аня в общих чертах изложила ситуацию.

– Сейчас будут, – испуганно сказала она.

– Марш обратно, – Игорь направился к воинственной «змее».

– Не пойду! – та снова бросилась на него с кулаками.

– А я тебя спрашивать буду?... – завернув ей руки за спину, Игорь быстро втолкнул ее в Томкину квартиру. – Где ключ? – повернулся он к Томке.

– Н-не знаю... – замотала та головой.

– У тебя? – Игорь перевел взгляд на ее дочь.

– Эта забрала... – Мира показала взглядом на приоткрытую дверь квартиры, за которой еще не успела скрыться коварная «змея».

«Змея» миг сообразила, что с ключиком придется расстаться, и тотчас скрылась за дверью. Ловко вставив ногу в дверной проем, Игорь опередил ее. С той же проворностью отняв у нее ключ, он закрыл снаружи дверь. Подхватив Томку с дочерью под руки, втолкнул их в Анину квартиру.

- Гоша, будь свидетелем... – начала было Томка.
- Чего?! – перебил ее Игорь. – Как ты здесь концерты устраиваешь?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.